

НА КАЗАЧЬЕМ ПОСТУ

Двухнедельный общеказачий журнал

№ 26

15 мая 1944 года

№ 26

7-428 содержание:

Слово — Уралец

★

Шестая беседа старого казака
с молодым

★

Исторические очерки Дона
(продолжение) — П. Н. Кра-
снов

★

Лбищенский рейд (продолже-
ние) — А. Погодаев

★

В краю отцов — стихотворение
М. Волковой

★

Таис (продолжение) — Татья-
на Левшина

★

Экскурсия юных казаков

★

Последняя ночь — стихотво-
рение А. Задорожного

★

В станице Каргинской — Петр
Турилин

★

Будущая встреча — Петр Хи-
мин

★

Розыски

Рядовой казак новых добровольческих казачьих частей

Адрес редакции: „Kosakenposten“ F.P. Nr. 02306

«Вначале бе Слово, и слово бе Богу и Бог бе слово». Так начинается евангелие Иоанна Богослова.

Слово является носителем идеи, духа народного. Оно по-во — великая сила. Умело использованное слово — самое сильное и страшное оружие. Все известное оружие: современное или будущее, которое есть или возникнет в фантазии человека, не может сравниться или превзойти, по силе, Слово. Убийственная сила пулеметов, автоматов — до двух километров, авиабомбы валят пятиэтажные дома, дальноточные орудия стреляют до 30 км, танк «Тигр» в состоянии проехать насквозь кирпичный дом, самая большая пушка у немцев «Большая Берта», в первую мировую войну, стреляла по Парижу за 120 километров, современный линкор, это плавающий город, залпы его 18-дюймовых орудий валят горы.

Но все эти орудия действуют главным образом в пространстве, слово действует и в пространстве и во времени. В этом его главное отличие от орудий смерти.

Можно восхищаться красивым приемом борца, ловким ударом боксера, но все это не может идти ни в какое сравнение с красивым, умным словом, сказанным во время и к месту.

Слово является носителем идеи, духа народного. Оно поражает врагов в час появления и продолжает действовать через века. «Слово о полку Игореве», несмотря на более чем семисотлетнюю давность, волнует нас до сих пор. И язык и обороты древне-русские, не совсем понятные, но чувства безвестного баяна, его горячий призыв к русскому народу, князьям, его гениальность заражают нас своим искренним горячим чувством. Сила духа, заключенная в слове, действует через время.

Слова «Марсельезы» творили чудеса, они зажигали сердца французов, заставляли их идти в бой против сильнейшего неприятеля и побеждать его.

Слова Бисмарка: «Мы, немцы, боимся Бога, а вообще ничего на свете», сказанные им в рейхстаге в феврале 1888 года, — до сих пор заставляют немцев высоко поднимать голову, чувствовать в них величие и силу своей нации.

Из всех полководцев мира Наполеон отличался высоким умением говорить короткие, зажигательные фразы: «Каждый солдат носит жезл маршала в своем ранце...» «Солдаты, с высоты этих пирамид на вас смотрят сорок веков».

Его энергия, гений, глубокое знание человеческой души, умело облекались в сильное энергичное слово, заставлявшее забывать солдат зной африканских пустынь и холод итальянских Альп.

«Родимый край» — стихотворение в прозе — донского писателя, казака Феодора Дмитриевича Крюкова, сыграло большую роль в гражданскую войну 1918—1920 гг. на Дону. Крюков был приговорен к смертной казни и только чудом избежал расправы. Когда разнузданные банды «красных матросов» начали сжигать казачьи станицы и хутора по правой стороне Дона, вот тогда то и было написано в один присест произведение «Родимый край». Оно сыграло исключительную роль в казачьем восстании. Молодежь знала его наизусть, его требовали, требовали тысячами экземпляров на фронт. Оно набатным колоколом било сплех и звало горячую казачью молодежь на защиту родных степей от «красных зверей».

В истории известен классический пример силы слова. Спартанцы воевали с персами. Персидский царь, собрав громадное войско, двинулся на Спарту. Маленькой, храброй Спарте грозили разгром и порабощение. Тогда спартанцы

обратились за помощью к своим союзникам афинянам, прося их, как можно быстрее, прислать войско. Афиняне прислали им слабого, тщедушного старика. Спартанцы приняли это за насмешку и хотели убить старичка. Но это был знаменитый греческий поэт, непревзойденный мастер слагать военные гимны. Он создал гимны, созвучные времени и настроению спартанцев. Гимны его звали воинов на защиту родины от вторгнувшихся варваров, вдохновляли на подвиги, на великие жертвы для отечества. Слова поэта нашли полный отклик в сердцах воинов. С пением гимнов спартанцы пошли в бой и разбили персов.

Маленький, хилый телом, но сильный духом, словом, идеей — греческий поэт старичок, оказался достойным заменить целую рать воинов.

Такова сила слова, в котором переданы жар, горение человеческой души. Такое слово действует через века.

В песнях, пословицах, поговорках, в крылатых словах поэтов, мыслителей, государственных мужей, полководцев — таится душа народа, душа нации. Без собственного слова нет истории, нет культуры, нет лица народного, а есть первобытное племя, нет духа, а есть только пищеварительное, желудочное состояние. Такие слова тверже гранита и долготнее бронзовых памятников.

Историческое умное слово — цемент, связывающий народ воедино, знамя — объединяющее людей одной нации на всех широтах и долготах земного шара. По одному слову, фразе, люди познают своих земляков, единомышленников.

Слово создает, но слово и разрушает. Слово вдохновляет людей на великие исторические подвиги, но слово и толкает их на великие необдуманные преступления, на громадные исторические ошибки.

В 1917 году большевики оказались сильнее своих противников. Они выбросили многообещающие, головокружительные лозунги: «Мир хижинам, война дворцам». «Земля крестьянам, фабрики и заводы — рабочим...» «Кухарка должна уметь управлять государством». «Пролетариату нечего терять, а приобрести может весь мир...» Была обещана счастливая, радостная жизнь. Социализм... 2 часа работы... Все вам и ничего с вас... В жизни было иначе: рабочий работал по 12—16 часов лишь бы кое-как прокормить свою семью, но зато он смотрел на красочные плакаты, читал брошюры о пятилетках, обещавших ему рай на земле.

В лозунгах была вся сила жидовского яда и подлости, сорокавековая концентрированная хитрость «избранного народа». Они создали заведомо невыполнимые лозунги, в которых обещалось все и ничего не выполнялось.

Все эти лозунги нужны были для того, чтобы доверчивый русский народ, народ-гигант, народ-ребенок, пошел за ними, завоевал им власть, а когда власть была завоевана появились: Чека, ГПУ, НКВД — три названия одного и того же чудовища, которое не становилось лучше от изменения наименования. «Если на клетке слона написано буйвол, не верь глазам своим» — говорил еще Кузьма Прутков. И тогда на Геркулеса были надеты цепи, до сих пор его сковывающие.

Сейчас русский народ расплачивается за доверчивость, за разрушение церквей, религии, за плевку и растление собственной национальной души, за убийство лучших сынов своих, за те бесконечные исторические ошибки, которые исправляются только «кровью и железом».

Да будет так... Так нужно...

Слово зла, обмана, деградации победило. Сатана восторжествовал. Но восторжествовал временно.

Германское Верховное Командование о казаках

В сводке Верховного Командования от 30 апреля с. г. впервые упомянуто о боевой деятельности крупного воинского соединения состоящего из добровольцев Востока Европы. Это сообщение говорит о казаках, — о Первой Казачьей Дивизии, — в следующих выражениях:

С начала октября 1943 года в западных Балканах введена в бои против коммунистических банд Первая Казачья Дивизия, которая своими доблестными действиями наносит противнику тяжелые потери в людях и материалах.

Доблестное казачество, верное своему слову и данной присяге, блестяще оправдало оказанное ему Германской Армией высокое доверие и получило в этом сообщении лестную и заслуженную оценку.

Настанет день, когда рассеются черные тучи и вновь засияет солнце.

«Чем ночь темней, тем ярче звезды».

За 24 года казачество прошло крестный путь. Лучшие сыны погибли от цыгги, от изнурительной работы, голода в северных просторах, на Беломорканале, фронтах, в лесах и болотах Дальневосточного края, Кальмы, далекой Камчатки, знойных пустынях Средней Азии.

Казаки считались большевиками злейшими врагами советской власти. Это конечно так и было. Можно ли любить топор палача, занесенный над твоей головой? Больше всего поработало жидовство над истреблением казаков. Следовательно, палачи НКВД, ни над кем так не издевались, как над казаками. Жидовство знало: казаков не возьмешь, не обманешь агитацией. Казака можно скорее уничтожить, чем переделать.

Ломали, но не сломали... не таков народ казаки!..

Казак и жид — старые непримиримые враги. Так уж сложилось исторически.

После всего пережитого, на фоне совершающихся событий перед казачеством встают основные задачи:

Объединение всего казачества, без разделения на Донцов, Кубанцев, Терцев, Уральцев и др., в содружестве с Германской армией. В отдельных интересах разберемся после войны.

Беспощадная борьба с жидовством и коммунизмом. Пока в России жида и коммунизм — не бывает казачеству.

Ссылки, тюрьмы, север, Сибирь, уничтожение — вот удел казачества, пока там коммунизм. Погоны, открытие церквей, избрание патриарха «всей России», изменение гимна — все это смена масок на одном и том же знакомом, усатом лице одного и того же человека, готового надеть шапку Мономаха и короноваться в Успенском соборе в Кремле под именем императора Иосифа I-го самодержца всероссийского — если потребуют обстоятельства.

Такова «железная диалектика» «отца народов», у которого вместо позвоночника имеется полая резиновая трубка, сработанная нудейским мастером Лазарем Кагановичем при ближайшем участии его братьев.

Человек с резиновым позвоночником и волчьей челюстью — под таким наименованием войдет в историю сей муж, истребивший столько народу, что «великие» истребители человечества Чингизхан и Тамерлан кажутся перед ним пригоговишками.

Мы, казаки, должны сказать свое слово. Казачье слово. Другие за нас этого не сделают. У нас никогда не было

недостатка в храбрцах, умеющих рубить и стрелять, но мы всегда ощущали недостаток в людях, умеющих владеть пером. О нас говорили больше другие, нежели мы сами о себе.

Объединение людей, могущих мыслить, писать, владеющих пером — вот одна из основных задач нашей казачьей интеллигенции. Литературный конкурс «На казачьем Посту», имеющий целью выявить литературные силы казачества — прекрасное начинание, достойное искренних пожеланий и похвалы.

Литературные силы у нас без сомнения есть. Их надо только уметь найти и привлечь к работе — раскатать людей. А материал? Его хватит на всю жизнь. Пиши, не ленись. Казакам есть чего сказать.

Невозможно умолчать о литературной деятельности старейшего писателя — генерала Петра Николаевича Краснова — казака-донца Каргинской станицы. Его жизнь и перо всецело отданы на служение казачеству. Долголетняя жизнь и плодотворная литературная работа — подтверждение этому. Его произведения известны не только казакам, но и широкой читающей публике за-границей, ибо они переведены на многие европейские языки. Имя генерала Краснова известно и друзьям и недругам. Оно вошло в литературу, оно войдет в историю.

Неутомимый труженик и страстный апологет казачества, его идей, чаяний и надежд, имея свыше семидесяти лет, он не выпускает из рук грозного оружия — пера. Не удаляется на покой. Его статьи и призывы полны юношеской бодрости веры в будущее.

В нем несокрушимый казачий дух наших предков. Силу его казачьего слова трудно передать в настоящих кратких строках. Для этого требуется специальная статья. Она без сомнения будет написана.

Отстаивать свои казачьи права нам не впервой. Мы их отстаивали перед московскими царями, отстаиваем и перед московскими большевиками. «Живите, братцы, пока Москва не знает, Москва узнает — плохо будет». Так говорили старики на Яике. «С Дону выдачи нет». «Здравствуй, Белый Царь, в кременной Москве, а мы казаки на Тихом Дону». Так говорили старики на Дону. В них отзвуки старинной борьбы за землю, за волю, за казачью долю.

Сказать свое казачье слово — обязанность в настоящем и наш долг перед будущим.

Наши предки умели делать казачью историю, мы, их потомки, сумеем продолжить их дело.

Уралец.

Беседы старого казака с молодыми

Беседа шестая

О владении оружием

Правильно организованная, снабженная всеми чинами сотня (рота, эскадрон, батарея) воспитанная по военному и вымуштрованная станет лишь тогда воинскою частью, когда она будет в совершенстве владеть оружием, ей присвоенным, и уметь маневрировать на местности. Обучение всему этому ведется одновременно, параллельно воспитанию и муштре.

Мы живем в век механического оружия. Век машин. Сколько всякого вида самолетов, танков, огнестрельного оружия — орудий самых разнообразных калибров и назначения, начиная от простой полевой пушки и кончая тяжелыми противовоздушными орудиями и пресловутыми советскими «Катюшами»; минометы, огнеметы, дымометы; всевозможные мины; пулеметы станковые и легкие; ручные «автоматы»; «снайперы» — винтовки с оптическим прицелом, наконец, простые винтовки; ручные гранаты разного рода — всего и не перечесть в короткой нашей беседе — брошено теперь на вооружение войск.

Раньше? Раньше все это было много, много проще. Вот, как описывали донцы взаимодействие различных родов войск в несколько несуровой и не очень то грамотной, но яркой песне:

«Ой, донцы, они с пи-иками
Служить уме-умеют;
Кавалерия на штыки валя-валяет;
Артиллерия, она с пушек,
С пушек грозно бьет...»

Кто поверит, что научиться владеть автоматом легче, чем рубить шашкой, или колоть пикой? Первое — умение, которому всякий может научиться; второе искусство, не каждому дающееся.

А, как рубили! Особенно лихи были в рубке кавказские казаки. Рубили направо и налево, вниз направо; кололи прямо, и влево, и вправо. На скаку перерубали пополам барана съ кожей и шерстью. Рубили тонкую хворостинку по кусочкам, ровно по вершку — это на меткость удара. Рубили глиняные цилиндры 20 сантиметров толщиной, да так, что шашка пройдет насквозь, а цилиндр не шелохнется. На Кавказе входили в речку и рубили воду, чтобы шашка в воде круг описала и — без малейшего всплеска! Как то увидели Сибирские казаки, как туркмены перерубают большой арбуз, подвешенный на веревке. Давай и мы так умеем. Подвесили арбуз. Поскакали — хват! Руку осушил, а арбуз только закачался. Еще и еще. Ах! озверели казаки. Что за история такая! Туркмен смеется. Подает казаку свой «клыч». Клыч — туркменская сабля кривая, как молодой полумесяц. Попробовал казак — начисто разрубил арбуз. Кривая сабля для рубки лучше, да колоть ею неспособно.

Кавказские народы, а за ними и казаки украшали свои шашки. Рукоять — эфес — в серебре с чернью, или в серебре с золотом. С каким вкусом, как художественно был сделан! Ножны окружены цветной, большею частью, зеленой с черным воцаркой. Это чтобы если при переправе через реку конец шашки попадет в воду, чтобы вода не про-

никла-бы к клинку. Какие были клинки! Иной легок, как пушинка, а рубит! У другого палаш потяжелее будет, не всякий совладеет им. В каждом отвес — «по руке». Иногда ртуть в палаш заливали, чтобы она там свободна ходила и давала нужный отвес при ударе. Были клинки «волчки» — передельные на Кавказе из старинных Золлингенских немецких мечей, попавших с Крестовосцами Генриха Монморанси. Не слышали? Спросите учителя истории. На них было клеймо «Н. М.» Были заколдованные «волчки» — Терс — Маймун с изображением бегущего волка, отсюда и название клинков «волчок». Клинок у них прямой и легкий, с прекрасным отвесом. Были еще клинки «Гурда». По татарски «Гур-да» — «берегись», это были клинки тяжелые, Генуэзской работы, переточенные на Кавказе. Клеймо на них подобно челюсти с каплями крови.

Казенный оружейный Златоустовский завод изготовлял для Кавказских казаков отличные шашки на подобие «волчков». Очень хороши были их легкие клинки.

Пикой были вооружены первые шеренги «степовых» казачьих полков (Донских, Астраханских, Уральских, Оренбургских, Сибирских, Семиреченских, Забайкальских, Амурских и Уссурийских). Сначала на пиках копьё было двудольное длинное. Оно было жидковато, при сильном ударе ломалось и гнулось. Къ началу I-й Великой войны копьё было четырех — дольное, из закаленной стали очень острое и прочное, низко насаженное на древко. В старину древко пики было сосновое — оно легко ломалось. Потом стали делать его из бука и, наконец, стальное, полое внутри. На древке были: петля для возки пики «за плечом», «балбарка» для продевания за пояс при стрельбе с коня и наконечник для «бушмата», или петля для надевания на носок.

Пика была страшным оружием; но не всегда было удобно ее применять. В русско-турецкую войну 1877-78 годов, Русская кавалерия, вооруженная пиками — пики побросала. Ни к чему! Лес, крутые горы Балканские, где же с такой «орясной» еще возиться?

К войне 1914-18 годов одумались. Взялись за пикку и ... пригодилась.

Пикой кололи «прямо», только нацелить куда нужно, а там сам конь силой своего скака даст силу удара. Медные кирасы прокалывали. Удар в лицо был ужасен. Еще кололи «пол-оборота направо» и «пол — оборота налево», «направо», «налево», «вниз направо» и «острогой» «по уральски» «направо» — страшный удар — ранец с полной укладкой насквозь пробивали. Еще били «тупым концом назад». Все это вам показать надо.

И еще «фланкировка»! Как зажмет казак пикку под мышкой, вытянет вперед на три аршина, да начнет махать справа налево и снова направо — подступись тут к нему! Или еще станет делать «боковые круги» — жутко смотреть. Как четырех аршинная тяжелая пика, как камышинка крутится — аж свистит!

— Вы говорите, что все это теперь ни к чему... Уколы, боковые и горизонтальные круги; рубка

пашкой... В нынешней то механической войне!...
 — Как сказать? Какая это великолепная гимнастика для рук, груди, поясницы, всего тела... Конечно на минные поля, на бункеры, на танки с этим не полезешь. Пикой танка не прошибешь... Самолета пашкой не срубишь. Так не всегда так будет. Вот после Японской войны тоже говорили и писали, в военных журналах писали: — конных атак больше не будет: они не возможны... А сколько их было в первую великую войну!... Не перечесть... А в гражданскую, с большевиками? Чем крушили конницу Буденного кубанцы Улагая, как не конными атаками в пашки? А кто сокрушил в Крыму конницу Жлобы, как не пика «дончиха»? А Бабнев?

Гляди, еще и вам пригодится эта гимнастика с пашками и пиками. Как выйдете в чистое поле, в родную степь... Как погоните стада жидовских рабов. Только доспеть бы, да было бы за что ухватиться, а там порубите и поколете и за Ленина, и за Сталина, и за жида-комиссара, и за самого чорта — дьявола! Отомстят ваши пика и пашка за поруганные станицы и их церкви.

Теперь главное ваше вооружение — винтовка, «Снайпер», «ручной пулемет» — «машиненгэвер» 34, «пистолет пулемет» — «автомат», ручной пулемет — «Зброевка» образца 37, калибр 7,9 и ручные гранаты трех видов (дымовая в том числе). И кому даны — еще и бронебойные винтовки для борьбы с танками.

Отличное все это оружие, но в нем есть и недостатки.

Сила их огня и скорострельность приучает стрелка и пулеметчика стрелять небрежно, кое как, «в белый свет, как в копеечку». Не замечали вы сами на себе? Противник бьет непрерывно и из винтовок и из пулеметов. Пули свистят в воздухе; кругом роют землю. Пулевые дымки пыли то и дело вспыхивают вокруг да около. Ад кромешный — а потерь нет. Почему? Да стреляют, не целясь. Приходилось вам бывать на охоте осенью на куропахтей? С шумом сорвался целый выводок, штук тридцать кучно летят. Что там целить! — пали во всю кучу... Промох!... Ни одна не упала. А выцелил одну — глянь а их и две и три упало...

Бесцельная стрельба даже и из автоматического оружия не страшит, но ободряет неприятеля. А тут при обилии патронов — только подавай! и вовсе вредна... Мудро старое правило: «береги сухарь на неделю, а патрон на целую компанию»... «Хорошему солдату (казаку и тем более) тридцать патронов хватит на большое сражение»...

Тридцать патронов, при цельной стрельбе без промаха — это тридцать врагов, выведенных из строя. На сотню стрелков — это 3.000 человек — целый полк! Вот что дает искусство стрельбы, доведенное до такого же мастерства, каким было в свое время искусство рубки... А из вашего совершеннейшего оружия, что только вы можете сделать!

Другой недостаток скорострельного и автоматического оружия — возможность отказа. Э!.. Заело!... Надо переменить ствол, замок. Помятые патроны попались, взял, не доглядел... Барабан неисправен... смазка замерзла... Как все это мешает!... Как нервит!... Грозит катастрофой.

Вот тут то и нужно казаку так полюбить данное ему оружие, как деды ваши любили свои пашки,

Старый пушкарь

С акварели худ. Мельникова.

Утром рано зарей
 На редут крепостной
 Раз поднялся
 Пушкарь поседелый.
 Он на пушке сидел,
 Все на крепость смотрел...

Из казачьей песни.

которые золотом и серебром украшали и вешали под образа. Нужно так знать оружие и так ходить за ним, как будто они были живые. Изучите так весь механизм, до последней мелочи, чтобы перед выходом знать, рукою чувствовать, ухом слышать какая и где неисправность. Научитесь быстро и сноровисто в любом положении лежа, сидя, стоя — поправить, если случится отказ. Ходите за оружием, как за любимым конем. Сохраняйте от дождя и холода, как живое существо. И оно не изменит вам тогда...

Каждым боем, каждой стычкой с неприятелем пользуйтесь, как стрельбищным полем, чтобы научиться целно и толково стрелять.

Молчащая цепь страшнее и грознее бестолково бросающей пули.

Ваши деды украшали свои тяжелые «рушницы», стрелявшие на двести шагов, серебром и перламутром и дорожили ими. Вам и украшать не нужно, так красиво сделано ваше оружие. Его нужно только холить и беречь.

Старый казак.

Исторические очерки Дона

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

(Продолжение *).

XXIII

Война со Швецией 1808—1809 годов. Дело у деревни Ильби. Взятие города Боро лейб-казаками. Переход по льду через Ботнический залив. Служба в Финляндии.

Зимой 1808 года началась война на севере России со шведами. В этой войне участвовали два Донских казачьих полка: Л. Гв. Казачий Его Величества полк под командою генерал-майора Орлова-Денисова и полк Киселева. Лейб-казаки у деревни Ильби 12 февраля 1808 года в теснине, занесенной снегом, по глубокому сугробам, пешком с пиками в руках атаковали и взяли шведскую батарею, а потом, преследуя шведов, с полета захватили город Борго.

Полк Киселева шел впереди Русской армии, когда та совершила в марте 1809 года безумно смелый переход по льду через Ботнический залив.

Перенос войны из Финляндии в пределы Швеции побудил шведов осенью 1809 года просить о мире. По этому миру Финляндия отошла к России и составила часть Русской Империи.

Долгое время, охраняя покой и мир в Финляндии, Донские казачьи полки стояли там по гарнизонам. Об этой службе на далеком и глухом севере малороссийским сочинителем Гребенко были написаны стихи. Они стали любимой песней донских казачьих полков:

— Поехал казак далеко на чужбину
На добром коне вороном,
Свою он на веки покинул краину,
Ему не вернуться в отеческий дом.
Напрасно казачка его молодая
И-утро и вечер на север глядит,
Все ждет, поджидает, с далекого края
Когда же к ней милый казак прилетит.
А там, за горами, где вьются метели
И страшны морозы зимою трещат,
Где сдвинулись дружно и сосны и ели, —
Там — кости казацьи под снегом лежат.
Казак и молил и просил, умирая,
Насыпать курганчик ему в головах:
— Пусть на кургане калина родная
Растет и красуется в пышных цветах.
Пусть вольная пташка на этой калине
Порой пропоет эту песенку мне,
Как жил-был казак далеко на чужбине
И помнил про Дон на чужой стороне».

XXIV

Турецкая война 1806—1812 годов. Дело Атаманского полка под Рассеватом на Дунае 4 сентября 1810 года. Переправа вплавь через Дунай.

Между Россией и Турцией шел давнишний спор из-за обладания Молдавией и Валахией. Наполеон предложил свое посредничество, чтобы примирить воюющие стороны. В случае отказа Турции принять Русские условия — России предоставлялось право захватить эти области и даже раздвинуть границы за счет Турции за Дунай до Балканских гор.

Готовясь захватить Пруссию, Наполеон хотел связать Россию войною на Дунае.

18 декабря 1806 года военные действия против турок начались.

— Пишет, пишет султан турецкий Царю белому
И хочет султан турецкий Русскую землю взять:
— «Отберу я всю Русскую землю,
В кремену Москву стоять пойду,
Поставлю своих благоверов по купеческим домам,
А сам я, султан, стану в Николаевском дворце...»
Затужился, загоревал Александрюшка
И пошел в кручине по кременной Москве
И стал спрашивать посланца турецкого маюрина:
— «Ты скажи, скажи, маюрин, всю правду:
Много-ли вашей силушки турецкой собралось».
— «Сорок тысяч батальонов, а эскадронов сметы нет».
Тут Матвей Иванович Платов приподнялся,
И возговорил он своим громким голосом:

— «Врешь ты, врешь, маюрин, облыгаешься,
Ты, маюрин даже выхваляешься;
Я вашей силушки не боюсь
И во славный Царь Град уберуся...»
— «Ты не бойся, наш православный царь...
Встречать его пошли гренадерушков,
Подбивать его заставь канонерушков,
Стол поставь из медных пушечек,
А скатерти постели все лафетушки,
Закусочки им поставь мелкие пулечки,
А провожать их пошли Донских казаков...»

Занятая войнами с Наполеоном сначала в Австрии, а потом в Пруссии Россия не могла сразу послать большое войско в Турцию. До 1809 года наши войска медленно подвигались к Дунаю. Только после 1809 года они дошли до Дуная и осадили крепость Силистрию. К этому времени из Пруссии прибыл к Дунайской армии атаман Платов с полками: Атаманским, Денисова 4-го, Денисова 7-го, Карпова, Гордеева, Иловайского 8-го и Иловайского 11-го и с донской артиллерией.

В войне, происходившей в осаде крепостей, что было делать конным казачьим полкам? Партии — разъезды, пикеты — заставы, удаль хорунжих и урядников, с малыми партиями казаков захватывавших пленных — так нужно «языки» чтобы знать, что делается в стане врагов — в этом протекла служба — утомительная, изматывающая с ежедневными, но малыми потерями.

«Проводить турок», как говорилось в казачьей песне донцам пришлось 4 сентября 1810 года под Рассеватом, когда большая часть донских полков была собрана под начальством генерала Кутейникова и передана молодому графу Строгонову, приехавшему в армию, чтобы отличиться. Когда Русская пехота к вечеру сломала упорное сопротивление турок и те стали отходить к Дунаю, казаки бросились в преследование. Первыми врубались в турецкие ряды атаманы. Урядники Сердюков, Терсков, Чеботарев и казаки Пахомов, Коновалов и Ковалев отбили 6 турецких знамен, казаки Цыганов и Назаров взяли в плен неприятельского мурзу, а хорунжий Мельников полонил нашу и его знамя.

Солнце спускалось за горы. В розовых блесках заката была река, когда атаманский сотник Яновский заметил турецкие парусные лодки, наполненные людьми, плывшие на ту сторону Дуная.

— За мною, друзья! — крикнул Яновский и с полного хода лошади с кручи бросился в Дунай. За ним его сотня.

Турки пошли на веслах. Они стреляли по плывшим через реку казакам. На том берегу атаманы догнали убежавших турок, часть их покололи, забрали лодки сели на них взяли пленных, погрузили на лодки лошадей и с песнями вернулись к полку.

В 1811 году к Дунайской армии прибыл престарелый фельдмаршал Кутузов. В начале 1812 года турецкая армия была окружена Русскими войсками и положила оружие. Турция просила мира. Молдавия и Валахия отходили к России. Можно было потребовать и большего, но... наступал грозный двенадцатый год. Казачьи полки с Платовым пошли на реку Волгу и в леса и поля Белоруссии встречать Наполеоновы полчища.

XXV

Отечественная война 1812 года. Причины и поводы войны. Недовольство Наполеона действиями России в Австрии. «Континентальная система». Занятие французами герцогства Ольденбургского. Честолюбие и славолюбие Наполеона. Невежество французов в Русском вопросе. Армия «дванадцати языков». Решимость Императора Александра I. Его приказ войскам.

История отыскивает причины и повод каждой войны.

Причинами войны, получившей наименование отечественной, России с Наполеоном историки считают:

— Не соблюдение Императором Александром обязательства действовать с французами, если Австрия начнет войну против Наполеона. В 1809 году Австрийский император Франц начал войну с Францией. Русские войска хотя и вошли в Австрийские земли, но избегали сражений и не оказали обещанной помощи.

— Чтобы ослабить значение Англии на европейские дела Наполеон в союзе с Императором Александром создал так на-

* См. №№ 17—25 «На Казачьем Посту».

зывается «континентальную систему». Английские товары не допускались на европейский материк (континент) для продажи. Россия, нуждавшаяся в привозном из Англии и ее колоний товаре, обходила это обязательство, разрешив привоз английских товаров на кораблях, идущих не под английским флагом, а под каким-либо иным и одновременно обложила высокими пошлинами предметы роскоши. От этих пошлин больше всего пострадала французская торговля.

Поводом для войны считают захват Наполеоном немецких земель, лежавших на берегу Северного моря: «Ганзеатических городов» (немецких городов, принадлежавших торговому союзу «Ганза») и герцогства Ольденбургского. Герцог Ольденбургский был женат на сестре Императора Александра — Екатерине Павловне. Александр потребовал возврата захваченных земель. Наполеон не обратил внимания на это требование.

Однако, вовсе не эти причины и не этот повод послужили к началу жесточайшей по тому времени войны, стоившей Наполеону его падения и давшей России и ее казакам вечную мировую славу победителей Наполеона.

Наполеон в 1809 году так быстро расправился с Австрией, что помощь Русских войск ему была не нужна.

«Континентальную систему» нарушали сами французы. Нуждаясь тоже в привозных английских товарах они разрешили их привоз во Францию с тем, чтобы на такую же сумму было вывозимо англичанами товаров из Франции.

Захват герцогства Ольденбургского и отказ возвратить его земли оскорбили Александра, но Император по всему складу своего ума и характера был далек от мысли из личных целей начинать войну с Наполеоном, бывшим на вершине своей военной славы и считавшимся непобедимым.

Причинами войны были: непомерное честолюбие и славолюбие Наполеона Бонапарта; легкость одержанных им в Европе побед: Иена, Ауэрштадт, Аустерлиц, Фридланд, занятие без выстрела Вены вскружили голову Наполеону. Он стал мечтать о создании «всемирной монархии», о подчинении ему всей России. Глубокое его невежество и невежество вообще французов в познании России, делали то, что с одной стороны Россию считали необычайно богатой страной, привольной и яркой, чем то в роде Индии, с другой — считали ее страной с полудиким народом, с плохими войсками, с нигде негодными генералами. Вот все эти то настоящие причины и побудили Наполеона уже с 1809 года готовить поход на «Москву» и одновременно уверять Императора Александра в своем миролюбии и дружбе.

Наполеон собрал и вооружил для похода на Россию громадную по тому времени армию: 610.000 человек, а с тыловыми частями до полутора миллиона было поднято в Западной Европе, покоренной Наполеоном. При этой армии было 182.000 лошадей и 1.372 орудия. Никогда еще мир не видел такой огромной армии.

Двенадцать народов, как писали и говорили тогда в России — «дванадцать языков» было брошено на Россию. Более половины Наполеоновской армии не говорило по-французски. В ней находились: австрийцы, пруссаки, саксонцы, поляки, баварцы, вюртембергцы, мекленбургцы, испанцы, итальянцы, неаполитанцы, голландцы, бельгийцы, жители берегов Рейна, пьемонтцы, швейцарцы, женеццы, токсанды, римляне, жители Бремена и Гамбурга... Подлинно «дванадцать языков!»

Император Александр не хотел войны, но, зная о намерениях Наполеона, готовился к ней. Он исправил ошибки 1807 года, когда, вследствие плохого снабжения, Русская армия голодала в Пруссии и в ней были болезни. Теперь вдоль западной границы были устроены большие продовольственные склады, армия была хорошо одета и снабжена. Путем переговоров Император Александр пытался удержать Наполеона от нападения на Россию. — Напрасно! Переговоры принимались Наполеоном, как признак слабости. Голова кружилась у Бонапарта. Он предвкушал легкие победы, победоносный марш к Москве, а там — сдачу на милость победителя всей России. Сокрушить полудикий народ, каким Наполеон считал Русских, казалось просто и легко...

Как только Император Александр узнал, что из переговоров ничего не вышло и что армия Наполеона перешла пограничную реку Вислу — он принял войну, как неизбежное.

— «Я не положу оружия, доколе ни единого неприятельского воина не останется в царстве моем», — заявил Государь, — «я лучше отпущу себе бороду и буду питаться картофелем в Сибири, чем заключу безславный мир».

В день начала войны, 12 июня 1812 года, в приказе Русским армиям Император Александр отдал:

— Не нужно напоминать вождям, полководцам и воинам о их долге и храбрости. В их издревле течет громкая победная кровь славян. Войны! Вы защищаете веру, отечество, свободу! Я с вами! На зачинающего Бог!...

В Петербурге и Москве, куда поехал Александр, говоря с дворянством, купечеством и представителями народа Александр вдохновлял общество и сумел сделать начавшуюся войну подлинно народной войной, войной за отечество — «отечественной войной».

Русская армия была сосредоточена в трех местах: у Полоцка — корпус князя Витгенштейна прикрывал Петербург; у Вильны была 1-ая армия Барклая-де-Толли и у Волковыска — 2-ая армия князя Багратиона.

Наполеон бросил часть своей армии заслоном против Витгенштейна, обрушился на армию Барклая-де-Толли. Русским армиям нужно было соединиться, и они начали отходить, сближаясь одна с другой.

Прикрывать отход армий должны были Донские казаки под общим начальством атамана войска Донского Матвея Ивановича Платова.

XXVI

Распределение казачьих полков по Русским армиям. Дела — у Кореличи 26-го июня, Мира — 28-го июня, Романова — 2-го июля. Набег Платова в тыл французской армии. Назначение главнокомандующим Кутузова. Бородинское сражение 26-го августа. Военный совет в Филях 2-го сентября.

Первыми, с кем столкнулись передовые конные части армии Наполеона, когда душною летнею ночью с 12-го на 13-е июня они переправились через Вислу и вступили в пределы Российской Империи, были донские казаки Лейб Гвардии Казачьего полка. Первый выстрел, разбудивший ночную тишину в знаменательный двенадцатый год был выстрел из лейб-казачьего ружья.

Атаман Платов, всего на несколько дней захвативший с турецкого похода на Дон, оставил за себя наказным атаманом Адриана Карповича Денисова, а сам во главе 14-ти донских казачьих полков и роты казачьей артиллерии поспешил к армии Багратиона. При корпусе Витгенштейна было 3 донских казачьих полка, при армии князя Багратиона еще до прихода Платова было 9 полков и рота Донской артиллерии, у генерала Тучкова — 1 полк, у генерала Торماسова 9 полков и на Дунае оставалось 14 полков. К началу отечественной войны Донское войско выставило на фронт 50 казачьих полков.

26-го июня казачий аррьергард Платова столкнулся с авангардом Наполеона, состоявшим из польских уланских полков графа Турно, у деревни Кореличи.

Казачий вентерь полков Атаманского, Сысоева, Иловайского 5-го, Краснова, 1-го, Иловайского 10-го, Иловайского 11-го, Перекопского, Татарского и Ставропольского калмыцкого заматал уланы. Смелые атаки их были опрокинуты. Поля и перелески были покрыты убитыми и ранеными. Более 250 израненных улан было подобрано казаками. Донося об этом деле Платов писал: — «у нас урон был не велик, потому что перестрелкой занимались мало, но дружно атаковали в дротинки».

Платов был подкреплен отрядом генерала Васильчикова из 5-го егерского полка, Киевского драгунского, Ахтырского гусарского и Литовского уланского полков.

28-го июня начальник авангарда Наполеоновой армии генерал Латур Мобур, подкрепив графа Турно польской конной дивизией Рожнецкого, приказал занять город Мир.

Бесконечно разнообразна была в этом кавалерийском сражении казачья лава. То заманивала она жидким вентерем поляков под выстрелы казачьих пушек и егерских цепей, то подводила их под фланговый, боковой удар драгун, уланы и гусар Васильчикова то сама кидалась на расстроенные польские эскадроны. Дивизии Турно и Рожнецкого были разбиты; в Мире ночевали полки Платова.

3-го июля у Романова, 3-го июля у Слуцка, 12-го июля в набеге в тыл неприятелю, когда полки Платова вдруг появились в самой гуще Наполеоновой армии, когда везде валились дым и блистали зарева пожаров, когда казаки побывали в Могилеве, Орше, Шклове и в Копысе — вот непрерывные бои донцов Платова с войсками Наполеона.

Русские армии, отступая, соединялись. Наполеон ничего не знал о том, что происходит в русском стане. Пленных не было. Перебежчики не являлись. Наполеон, имея прекрасную кавалерию шел в слепую. Разведке мешали казаки. Они никогда не сдавались: — они сами брали в плен.

Перед Смоленском произошло соединение армий Барклая де Толли и Багратиона. Прислушиваясь к народному гласу Александр назначил главнокомандующим всю армию престарелого Кутузова. Говорили в народе: — «приехал Кутузов — бить французов»...

Кутузов побил французов под Смоленском, но после сражения продолжал отступление к Москве.

26-го августа у села Бородино Кутузов дал «генеральное

сражение» армии Наполеона. У Русских было 103 тысячи, у Наполеона 130 тысяч. В разгар сражения, казаки Платова и конница Уварова хозяйничали в тылу армии Наполеона, внося ужас в ее ряды. Сражение длилось с рассвета до ночи. Французы не могли сломить сопротивление Русских. Поле сражения осталось за Кутузовым.

27-го августа обе армии оставались на месте сражения. 28-го Кутузов приказал отходить к Москве.

2-го сентября, в маленькой деревушке Филя, в виду Москвы, Кутузов пригласил генералов своей армии на военный совет. На этом совете был поставлен вопрос о том, давать ли сражение для защиты Москвы, или оставить Москву без боя.

Генерал граф Беннигсен начал прения вопросом:

— Оставить ли без боя священную и древнюю столицу России, или защитить ее?

Наступило тяжелое молчание. Оно было прервано сердитым голосом Кутузова:

— Священную, древнюю столицу России, — повторил слова Беннигсена Главнокомандующий. — Позвольте вам сказать, ваше сиятельство, что вопрос этот не имеет смысла для Русского. Такой вопрос нельзя ставить и такой вопрос не имеет смысла. Вопрос, для которого я просил собраться этих господ, это вопрос военный. Вопрос следующий: — «спасение России и армии. Выгоднее ли рисковать потерю армии

и Москвы, приняв сражение, или отдать Москву без сражения?» Вот на какой вопрос я желаю знать ваше мнение. Начались долгие прения. Никто из генералов не решился взять на себя оставление Москвы без боя. Каждый понимал, какое впечатление такое решение произведет на Государя и Русский народ. Оставить Москву! Всем это казалось невозможным и позорным. Кутузов молча слушал то, что говорилось кругом него. Смеркалось, когда Кутузов тяжело поднялся с табурета, на котором сидел в голове стола и сказал:

— Господа, я слышал ваши мнения... Но я... Властью, врученной мне моим государем и отечеством... приказываю... Отступать!...

Совещание было кончено. Молча расходились генералы. Невозможным казалось принятое главнокомандующим решение. Отдать Москву без боя!

Кутузов остался в избе один. Вошедший к нему поздней ночью за распоряжениями адъютант Шнейдер застал его сидящим в тяжелом раздумьи за столом.

— Этого... Этого я не ждал, — сказал, как бы говоря с самим собою, Кутузов. — Этого я не ждал... Этого я не думал... — Он ударил кулаком по столу. — Да нет-же!... Будут-же они лошадиное мясо жрать, как турки! Будут и они!

П. Краснов

(Продолжение следует)

По просторам Донским,
По полям золотым,
Где ковыль серебрится седой,
Где курганы стоят,
Где отцы наши спят,
Бродит враг беспощадный и злой.
И станицы мои предает он огню
Не щадя стариков, ни детей,
Но он чует, кровавый, погибель свою

Еще пуще становится злей.
Эй казак! саблю остро точи,
Оседлай боевого коня
В бой жестокий стрелою скачи,
Не считая ни ночи, ни дня.
Отступать не давай, беспощадно руби
Отомсти за страдания людские,
Будь героем, и грудью своей
Ты очистишь просторы Донские.

Лбищенский рейд

Продолжение*)

1-я сотня Чижинского полка в это время продвигалась двумя улицами. Одна выходила на площадь, к собору, другая — шла справа от площади к Уралу. В центре Лбищенска помещался штаб 25-й дивизии, партийный комитет, продовольственные и материальные базы. Здесь сопротивление красных было особенно упорным. На площади находился сам Чапаев. Окруженный командирами и курсантами под командой Чекина и самыми преданными красноармейцами, Чапаев лично руководил обороной. Его имя и личное присутствие вдохновляло бойцов и командиров. И надо отдать справедливость — красные, хоть и застигнутые врасплох, защищались с мужеством отчаяния. Чапаев несколько раз переходил в контр-атаки, но казаки прочно засели во дворах и домах, прилегающих к площади. Их многочисленные пулеметы и винтовки открывали такой убийственный огонь, что все сливалось в сплошном рокоте, даже невозможно было слышать слов команды.

Бывают минуты боя, когда человеческое мужество парализуется силой человеческой техники. В одну из таких отчаянных контр-атак Чапаев был ранен в голову. Фельдшер наскоро забинтовал голову. Его хотели отвести в более безопасное место к Уралу, но он твердо сказал:

— Отставить... Я буду командовать...

По цепи сразу узнали:

— Чапаев ранен...

Уже многие бойцы полегли. Убит начальник школы курсантов Чекин, убит его сын... Красные вынуждены были занять дома и дворы последнего квартала за площадью, прилегающего к Уралу. Дальше начинался крутой, глинистый берег и река...

Выход один: или произвести еще раз отчаянную контр-атаку всеми силами против казаков, или же броситься в Урал, плыть кто как может на Бухарскую сторону. Но главная беда в том, что казаки, застав Чапаева врасплох, не выпускали инициативу из своих рук. Они все время упорно отжимали чапаевцев к Уралу. В то время, как казаки наступали единым фронтом красные действовали в отдельных случаях, хоть и отчаянно, но все их действия носили разрозненный характер. Связь была потеряна и довольно удачные контр-атаки отдельных групп парализовались пассивной обороной других. Когда одна группа энергично переходила в контр-атаку, другая ее не поддерживала. Отчаянные контр-атаки группы Чапаева не могли спасти общего положения. На этот раз он имел дело с отборными казачьими полками. Каждый из казаков сознавал, что от Лбищенского рейда зависит дальнейшее существование Уральской казачьей Армии.

Справа от площади, на соседней улице, в большом казачьем доме, на высоком фундаменте, засел комиссар 25-й дивизии — Батурин с группой коммунистов, командиров и красноармейцев из конвойной команды.

Незадолго перед боем он сменил комиссара Дмитрия Фурманова, отправленного в Туркестан. Так Фурманов, впоследствии известный советский писатель, случайно избежал верной гибели. Группа Батурина никак не давала казакам продвинуться к Уралу. Тогда хорунжий Сафаров — казак татарин с 1-х Чижей — командир взвода 1-й сотни Чижинского полка — вскочил на пулеметную фуру, ударил по лошадям и вылетел на середину улицы. Но ему не дали даже развернуться. Из дома где засел Батурин, загрохотали частые выстрелы. Сафаров был моментально убит, один пулеметчик ранен, другому чудом удалось скрыться в ближайший двор, две лошади упали на дорогу и не встали. Фура с пулеметом так и осталась посреди дороги. Одна лошадь долго еще билась в конвульсиях, ударяя ногами по воздуху.

Тогда несколько казаков-фронтовиков с ручными пулеметами Люис забрались на крыши домов и открыли такой огонь, что весь дом, где засел комиссар Батурин, был буквально изрешетен пулями. Большинство из группы Батурина были убиты и ранены. Сам Батурин чудом остался невредим. Он выбежал из дома и спрятался в ближайшем дворе, в бане. Ворвавшиеся в дом казаки перекололи штыками раненых. Старушка-казачка, видевшая куда спрятался Батурин, указала казакам баню. Казаки, разъяренные упорным сопротивлением и потерями, вытащили из бани Батурина и тут же его закололи. Когда красные заняли Лби-

щенск, старушка-казачка немедленно ими была тоже заколота.

Николай Мякушин, слившись с казаками 5-го полка полковника Абрамова, продвигался вперед к площади. Они прошли мимо стоявшей фуры с убитыми лошадьми. Пулемет Максим, коробки с патронами были уже взяты казаками.

Кто то из казаков указал:

— Вот здесь сидел комиссар Батурин. Все таки наша 1-я сотня уколола его... Там вой во дворе валяется... Убили нашего Сафарова, господин хорунжий... Хороший офицер был — простой, душевный человек...

Николай подвинулся — как быстро во время боя распространяются все новости. Даже узнали и фамилию комиссара и прочие подробности.

Дом парткома был прошит пулями. Станки расщеплены, стекла побиты. Несколько минут этот дом был страшным местом. А теперь в нем лежало несколько трупов, пол залит кровью. Задерживаться нельзя, бой еще идет, — Николай спустился с крыльца. Во дворе трупы. Всюду следы горячего боя.

На улице казаки выводят из домов пленных чапаевцев. Николай выглядывает из под угла на площадь. У церковной ограды и за ней валяются трупы, винтовки. Лежат раскинув руки, уткнувшись в землю, или как то неестественно согнувшись. Николай с молодыми казаками продвигается вперед.

Обширный дом на высоком фундаменте, под шатровой крышей, крытой зеленой краской. Высокая лестница, через распахнутое настежь парадное, ведет прямо наверх.

— А может быть в доме кто есть? — мелькает в голове Николая. И вдруг он слышит рядом голос Кузнецкина — парня лет 18-ти. Здоровый, розовый парнишка, не задумываясь бежит вверх по желтым охряным ступенькам. Скрылся в двери. Что здесь больше: геройства или молодой неосмотрительности? Он уже видел, как героически и вместе с тем часто глупо гибнет в бою молодежь, благодаря горячности и малоопытности.

Николай ждет — вот вот вот раздастся выстрел и Кузнецкин останется там лежать. Но нет, он торопливо сбегает по лестнице вниз. В его лице и фигуре нет ничего от классических героев Илиады, — простое, детское лицо. Он даже пожалуя и не сознает весь ужас боя, для него это спортивная игра — кто кого возьмет...

— Господи Хорунжий, там люди... Часы мне дают... На, — только нас не трогай...

— Молодец, Кузнецкин... Давай их сюда...

Кузнецкин на верхней площадке пропускает красных мимо себя. Шесть человек. В шинелях, в гимнастерках. Спустились вниз. Как раз в то время подошел Николай Николаевич Бородин — заместитель генерала Сладкова по Лбищенскому рейду. Из шестерки — человека четыре евреи, это ясно видно по их лицам. У одного, с иссиня бритым лицом, прыгает челюсть, у других тоже. Они бледны. Спокойнее всех держат себя двое русских. Один из них в бородке и усах. Блондин. Но и у них застыла обреченность в глазах. Они с испугом смотрят на полковника Бородина. Их дрожащие руки тянутся к козырькам. Отдают честь. Это получается нелепо. На фуражках — красные звезды с серпом и молотом, на шинелях нет погона.

— Комиссары? коммунисты? — Николай Николаевич Бородин смотрит холодным, ненавидящим взглядом.

— Господин Полковник, м-м-мы... не комиссары, — культурные артисты...

— Какие же к черту вы артисты... В шинелях... — Презрительный кивок головой. — Отвести их к генералу Сладкову — к ветрянкам...

Николай продвигается с казаками дальше. На углу большой дом на подклете. Во дворе казак перевязывает казака, раненого в плечо. Красные — за последними плетнями — у самого яра. Почему то они не стреляют, не стреляют и казаки. И вдруг на Николая находит какая то апатия, усталость. Он даже завидует раненому в плечо. Тот хоть пойдет теперь в тыл, в безопасное место.

Николай выглядывает из-за угла. Через квартал, за плетнями, видны красные. К углу подходят молодые казаки Николая, казаки фронтовики других полков. Среднего роста, крепкий казачина с бородой и усам, подкатывает Максим. Дуло Максима направлено прямо на противоположный угол, где за плетнями стоят красные. Казаки говорят, что где то здесь

*) См. №№ 23—25 «На Казачьем Посту».

неподалеку находится сам Чапаев. Откуда они это знают — неизвестно.

За углом набралось уже до тридцати казаков. Из-за противоположного угла выглядывают красноармейцы. Молодой красноармеец в шинели, без винтовки, выходит из-за угла. Поднимает руку:

— Казаки. Не стреляйте...

Казаки тоже смелее выходят из-за угла. Впереди — бородач пулеметчик.

— Смелее, братишка, смелее... Иди сюда...

Красноармеец, видно с опаской, но все же подходит к пулеметчику. Пулеметчик широким жестом протягивает красноармейцу руку. Здороваются.

— Наши ребята хотят сдаться, только есть там партийный один... — говорит красноармеец.

— Ну и хорошо... Сдавайтесь... Ничего не будет... А коммуниста обезоружьте...

— Я пойду переговорю...

— Конечно иди...

Красноармеец идет к своим.

Обе стороны с любопытством наблюдают одна за другой. Но не успел он дойти до угла, кто то со стороны красных ударил из пулемета. Красноармеец лишь успел нырнуть во двор. Обе стороны, как ветер сдул, все бросились за углы и схватились за винтовки. Но к счастью никого из казаков не задело. Пулеметчик-бородач припал за щиток Максима и пустил очередь с расцениванием.

Вдруг от ветрянок заговорила казачья артиллерия. Выстрел — разрыв, выстрел — разрыв... Всего каких нибудь 200—300 метров от казаков, по линии яра, за плетнями стали рваться гранаты. За артиллерией заговорили казачьи винтовки, легкие и тяжелые пулеметы.

Начался последний акт Лбищенского боя.

Откуда то появился Николай Николаевич Бородин. Высокий, сухощавый, чуть сутуловатый. Черные английские усики. Смуглый, продолговатый профиль, темные глаза. Это был настоящий тип уральского казачьего офицера — степняка. Он шел спокойно, не торопясь, в правой руке — тонкий стек. Никакого оружия ни на поясе, ни в руках. Таким Николай Мякушин запомнил на всю жизнь образ полковника Николая Николаевича Бородина — рыцаря без страха и упрека, преданного сына Уральского казачьего войска.

— Вперед, вперед, ребята... По задворкам — к Уралу, еще немного и закончим... У красных — паника... Смелее вперед... — говорил он, указывая стеклом в сторону Урала.

Задворками, за плетнями Николай с казаками продвинулся к берегу Урала. Среди красных действительно была паника. Красные бегут к Уралу, прыгают с крутого яра, на ходу сбрасывают одежду, сапоги. Вся река, на сколько хватает глаз, покрыта плывущими. Сотни, тысячи голов, взмахивающих рук. Урал кипит и пенится под натиском множества человеческих тел. И, как бы сердясь на непрошенных гостей, быстро несет их по течению.

Красные не выдержали артиллерийского огня с прямой наводки и все, кто мог и кто не мог плавать, кинулись к реке. И вот тут то и началась потеха. Это была охота по плывущим людям, которые уже не могли сопротивляться. Казаки выкатили все имеющиеся пулеметы на открытую позицию и били с расцениванием по берегу и по реке. Свинцовые струи рвали воду и там где проходила струя, там исчезали навеки под водой люди.

А. Погодаев.

(Продолжение следует)

В КРАЮ ОТЦОВ

Разве можно забвенью предать
Эту буйную древнюю гладь,
Что кругом обнялась с небесами.
И где воля коснулась чела
И навеки в душе разожгла.
Непокорное времени пламя!
Разве можно не видеть во сне,
Как бредешь по родной целине
Ни косы не знававшей, ни плуга,
Где ковыль, что в былинах воспет,
Оковал с незапамятных лет
Тело степи блестящей кольчугой.
Часто в сутолке серого дня

Вдруг почудится топот коня,
Свист лихого, как ветер намета
Чьих-то слов бегло схваченный звук,
Но сомкнется разорванный круг,
И слеза набежит отчего-то...
А в иной затуманенный миг
Слышит сердце, как шепчет тальник
Про казачье житье по-старинке,
Как в озерной хрустальной тиши,
Чуть дрожа, шелестят камыши
И, кручинясь, вздыхают кувшинки.

Мария Волкова.

Т а с

(Продолжение*)

VI. «Подвиг» красных партизан.

Целую неделю проходила Тася с голубым конвертом на груди, все не решаясь пустить его в ход. Два раза за эти дни виделась она с Цхарией. Он не спрашивал ее ни о чем, только смотрел ей в лицо горящими глазами и мучил ее изысканно-жестокими ласками. Она боялась их, вдрагивала, вспоминая — и снова шла к нему, обезволенная, с огнем в крови. При третьем свидании — он вызвал ее к себе запиской, переданной с беспризорным татарченком, вечно околачивавшимся в ожидании подачи то в садах, то около солдатских кухонь — он эдал ей, наконец, вопрос, которого она ожидала:

— Когда-же?

— Скоро, Ваню.

— Почему так долго?

— Супа не варили, все густое готовили.

Он помолчал.

— Я больше не верю.

Они были довольно далеко от села, у артезана в степи, где днем отдыхало стадо. Несколько старых, корявых ив

*) См. №№ 20—25 «На Казачьем Посту».

стояло вокруг мелкого пруда, смутными призраками рисуюсь на темном, звездном небе. Молодой месяц, освещавший Тасю дорогу вперед, давно зашел. В глубокой тишине слышно было, как слабо эвенит вода, переливаясь через край невысокой, вертикально стоящей трубы посреди пруда.

Цхария прохаживался взад и вперед по мягкой, гладкой дороге. Его серая блуза сливалась с сумраком. Тася, сидевшая на бугорке под ивой, видела в странном звездном свете только бледное пятно его лица, когда он снова приближался к ней.

— Ты не шути, — газвучал угрозой его голос.

— Какие шутки!

— Не шути, понимаешь?

Он остановился перед ней.

— Завтра, слышишь?

Глухой ужас холодом сковывал Тасю. Она не могла ответить.

— Ты слышишь или нет?

— Слышу, — пробормотала она.

— Завтра. Ты что думаешь? Игрушки? Ты не уйдешь теперь, попалась. Двурешничать не придется.

Он снова стал ходить. Окоченевшая Тася следила за его исчезающим и вновь возникающим силуэтом.

— Значит, так, как я тебе говорил. Высыпнешь, размещаешь и уйдешь ко мне. Ребенка с утра отошли в совхоз. Мы и ее с собой захватим по пути, ты будто эйдешь за ней. Только без узлов. Там все дадут.

Лидка, обрадованная неожиданной прогулкой, весело убежала утром в совхоз на Куме. Тася еще долго крутилась дома, то принимаясь прибирать комнату, которую она бросала навсегда, то стоя без дела и бессмысленно глядя в одну точку. Свекровь, враждебно следившая за ней, спросила, наконец, не больна ли она. Тася только рукой махнула в ответ.

Было уже десять часов, когда она пошла в школу, как на казнь. Ноги ее не слушались, она несколько раз спотыкалась. Когда она отворила дверь и вошла к Вилли, он сидел за столом и писал. Вчера полученное письмо лежало перед ним, две фотографии, разорванный конверт. Его обычно веселое лицо было серьезно и грустно, под глазами было черно, видно было, как он немолод. Он поднял голову и посмотрел на Тасю.

— Да, да, — сказал он, уловив ее взгляд, полный боли, — у всех у нас бывают плохие дни. Вот и ты сегодня невеселая. Тяжело тебе?

И он снова принялся писать, видя, что она не отвечает.

У Таси вдруг подломились ноги. Она села на пол посреди комнаты, где стояла, и расплакалась жгучими, горькими, очищающими слезами. Потом, все еще всхлипывая, поднялась, подошла к топившейся плите, вытащила проклятый конверт и бросила в огонь. Желто-зеленое пламя вспыхнуло, затрещало и быстро опало.

— Письмо? От твоего «Schatz»? — спросил Вилли, улыбаясь.

— Да. От Шаца, — ответила Тася, чувствуя, как огромная тяжесть скатывается у нее с души, оставляя странную пустоту и легкость.

— Поссорились? Ну, ничего, пройдет.

— Es geht alles vorüber,

Es geht alles vorbei, —

зашел он, вставая и беря ее за локти.

— Нах яедем децемба

Хвольт вида в май, —

подхватила Тася распухшими от слез губами.

Они сделали тур вальса по комнате.

— Приходи ко мне сегодня, Вилли, погуляем. Ты хороший, ей Богу.

— А вино есть?

— Есть, как не быть. Ты своего еще прихвати.

— Хорошо, приду.

— И Максик пусть приходит с аккордеоном. Я танцевать хочу.

— И Макс придет. А ты иди домой, ложись спать. На что ты похожа, женщина!

Тася зашла к нам, позвала всех троих на вечеринку, распорядилась дома насчет стряпни — свекровь сердито пожала плечами, но подчинилась, — легла и заснула так, как давно не спала.

— Готовы, Федоровна? — спросила Даша, входя ко мне. — Ох, и ловкое у вас платье! Только уж больно черно.

Я стояла посреди комнаты, пытаюсь поймать свое отражение в пузырчатых стеклах окна. Днем я выгладила старое, когда-то любимое черное платье, а сейчас колебалась, подходит к нему темно-красный мак или нет. Замечание Фадеевны решило дело, я приколотла цветок. Даша, в моем синем шелковом платье (я все еще жила на тряпки) весьма эффектна. Я накинула большую бакинскую шаль, и мы пошли.

Вилли и Макс уже были у Таси. С Вилли я давно была знакома, часто с интересом спрашивала его о жизни в Германии. Мне особенно любопытно было слушать его, потому что он принадлежал к той среде рабочих тяжелой индустрии, которые в качестве коренных пролетариев считаются опорой большевизма. Общее впечатление было совершенно

определенное: на таких, как он, большевизму опираться не придется.

Приятель его, высокий, ладный, с характерно вылепленным горбоносным лицом, в больших, связанных проволочкой очках, ходил по комнате, разглядывая картинки на стенах. Это были обычные фотографии с вытаращенными глазами и растопыренными на коленях руками, старомодные открытки со владостно улыбающимися любовными парами. Среди них была приколотая подаренная мной открытка с репродукцией Серовского «Похищения Европы». Архаически-прекрасная белая принцесса равнодушно плыла по ярко-синим волнам на спине могучего зверя, гордо и нежно обернувшегося к ней тяжелой, увенчанную лирой рогов голову. Макс вдруг остановился.

— Это что такое? Откуда?

Он снял открытку со стены. Я сказала:

— Это один из наших величайших художников, Серов.

Он обернулся ко мне.

— Ах, вы говорите по немецки! Как приятно! Но эта картина изумительна. На всем походе я не видал ничего подобного и не подозревал, что в России есть такие художники. Мне попадались пейзажи, очень недурные. Но это — этот ритм!..

Макс сделал большим пальцем движение, верно рисующее волнообразный ритм, которым дышала вся картина.

— Вы художник?

— Нет.

Он взял свой большой аккордеон, навесил его через плечо и стал посреди комнаты, раздвинув длинные ноги в непривычных нашему глазу низких сапогах с широкими голенищами. Для меня аккордеон был всегда гармошкой, только немножко получше, да еще инструментом для джаз-оркестра. Но то, что я услышала, было совершенно неожиданно. Макс пробежал пальцами по ладам — и вдруг зазвучала Баховская прелюдия С-дюр. На фоне мягко поющего выдержанного баса перекачивались чистые звуки разложенного трезвучия, гармонии закономерно сменяли одна другую, все усложняясь. Вот кульминация — и постепенное успокоение, и заключительный органно-звучный аккорд. Макс кончил и посмотрел на меня изменившимся, смягченным взором.

— О вашей профессии больше не надо спрашивать: вы музыкант.

— Да, я музыкант, — сказал он со странной смесью гордости и печали.

Тася позвала к столу. Она была необыкновенно весела, дурила, хохотала, угощала и курила одну папиросу за другой, опустошая портсигары своих гостей. Она заставила всех присутствующих выпить на брудершафт. Это было смешно, но сегодня все подчинялось ей. Василий Иванович блистал своими познаниями в немецком языке — он в самом деле мог объясняться. Макс стал рассказывать мне свою историю — грустную историю талантливого неудачника. Я слушала, переносясь воображением на Рейн, где он провел свою молодость. Нет, люди с Запада не были ни чужды, ни непонятны. Мне легче было представить себе жизнь этого немца-музыканта, чем моей Дашки, с ее горизонтом, ограниченным радиусом в сорок пять километров — она впервые видела железную дорогу в прошлом году, когда провожала мужа на фронт.

Скоро Тася потребовала музыки. Макс встал и начал играть танцы. Вилли учил Тасю фокстроту на немецкий лад, она быстро усвоила и дело пошло.

— Талантливая женщина, хорошо танцуешь, — сказал ей Макс.

Тася остановилась и задумалась. Потом обратилась ко мне.

— Скажите ему, пусть восточный танец сыграет. Я ему покажу, как татарки бакинские пляшут.

Макс стал импровизировать восточную мелодию. Тася огляделась, взяла мою шаль — и белый кусок шелка вдруг ожил, заструился и стал таинственной чадрой. В моих бездарных руках это был просто большой платок. Тася окуталась чадрой, захватила край губами и стала в позу. Глаза ее сделались необыкновенно глубоки, томная нега разлилась по лицу. Она начала танцевать какими-то неуловимыми движениями, еле улыбаясь. Но руки, плечи, глаза, чадра жили и

танцевали не по балетному, а с какой то изнутри, из глубокой древности идущей томительной и страстной искренностью.

Разных людей свела война в затерянной в степной глуши хате из сырцового кирпича с раздерганной камышевой крышей. Русские крестьяне, немецкий рабочий, артист, русская интеллигентка — что общего было у нас? Но все мы, забывая все на свете, следили за танцем этой неузнаваемо-прекрасной женщины, побежденные подлинным высоким искусством.

Вилли тронул меня за руку и показал глазами на Лидку. Девочка, сидя на сундуке, впилась глазами в танцующую мать, и сама того не замечая, вторила ее движениям. Губы ее были полуоткрыты, странное выражение наивной неги лежало на загорном личике... Ох, Лидка, Лидка что из тебя выйдет?

— Браво, Тасси! — воскликнул Вилли, когда Тася кончила, и поцеловал ей руку, как артистке. Она улыбнулась, еще не совсем придя в себя после своего перевоплощения.

— Тасси? Не так надо ее звать. Таис — вот настоящее имя для нее, — сказал Макс.

— Таис?

— Да, есть такой роман одного француза, как его?..

«Анатоль Франс», чуть не подсказала я, но во время удержалась.

— Забыл. Ну, все равно. Там есть александрийская куртизанка Таис. Это та же страстность, та же цельность, та же готовность на все лучшее и худшее. Она уходит в пустыню за одним отшельником и кончает святостью. Интересно, чем кончит эта степная Таис.

Александрийская куртизанка подошла и устало опустилась на стул рядом со мной.

— Как ты танцуешь, Тася! — сказала я с восторгом. — Точно летишь!

— А я и впрямь лечу, — отозвалась она далеким голосом. Помнишь мой сон? Лечу...

На другой день Тася получила от Цхарии записку, он приказывал ей придти. Она спокойно сожгла бумажку и не пошла. Он точно сгорел для нее вместе с голубым конвертом. Даже страха перед его неизбежной мстостью она не испытывала.

В ту же ночь грузин исчез. Больше в селе его не видели.

В эту среду, 14 октября, Тася занялась было приготовлениями к завтрашнему дню рождения Вилли, который собирался отпраздновать его форменным балом. Бал получился такой, что никто из его вольных и невольных участников никогда не забудет его.

В среду человек семьдесят из стоявшей у нас небольшой саперной части уехала на машинах строить укрепления возле соседнего села, Борисовки, в 8 километрах на восток от нас. Среди них было около тридцать так называемых украинцев — собирательное имя для всех бывших красноармейцев, работавших в германской армии. Работа шла обычным порядком, когда внезапно раздались выстрелы, затем разорвалось несколько снарядов. Красные — сначала думали, что это был сильный партизанский отряд, потом выяснилось, что к нему была присоединена какая-то воинская часть — напали на работавших и одновременно заняли село, в котором немецких войск не было — стоявшая там часть ушла два дня тому назад. В камышах и болотистых кустарниках, начинавшихся у этого села и тянувшихся вдоль Кумы до самого Каспийского моря, мог пройти незамеченным целый корпус. Во время гражданской войны там годами скрывались люди и отряды. После описываемого эпизода была сделана попытка уничтожить камыши. Но огонь не брал эту влажную зелень, лишь опалая верхушки, вырезать их было невозможно по необъятной величине занимаемой ими площади.

Немцы быстро опомнились от неожиданности и организовали сопротивление, отослав украинцев на машинах к части за подкреплением. Их очень тревожила судьба обер-лейтенанта и еще двадцати трех человек, находившихся на квартирах в Борисовке, над которой уже поднимались клубы дыма — видно, красные развернули там полную деятельность. Несмотря на прибывшее подкрепление, в этот день ничего сделать не удалось.

К ночи все затихло. У нас в селе, разумеется, знали о происшедшем. Фадеевна выгнала мужа из хаты спать в вы-

ход: она хорошо знала, что, если красные ворвутся в село, ни бывшему военнопленному, ни его семье пощады не будет. Рано с утра раздались орудийные выстрелы. Я пошла в центр села, где, недалеко от кооперации, высился большой бугор. На нем чернели люди. Там я встретила Вилли с полевым биноклем в руках. Он напряженно вглядывался туда, где над Борисовкой стояли дымные столбы.

— Макс там, — сказал он, передавая мне бинокль: — в селе, с обер-лейтенантом.

И в бинокль нельзя было разобрать, что творилось в Борисовке. Зато отчетливо было видно, как горит ферма между нею и нашим селом. Два снаряда один за другим ударились на край нашего села. Вилли улыбнулся, пожимая плечами и поднимая брови:

— Нас очень мало, а у них артиллерия. Идите лучше, не надо, чтобы вас видели с немцами.

У меня поднялся внутренний протест и я осталась, хотя, правду сказать, мне было страшно.

Мы пережили несколько часов невыносимого напряжения. Тоненькая цепочка людей с автоматами, пулеметами и ручными гранатами загоразивала нас от явно более сильного численностью и вооружением врага. Этот враг еще назывался «наш». Но сегодня мало кто воспринимал их, как своих. Это были «они», и их боялись.

После полудня пришло спасение. Через село на восток поползли один за одним полутяжелые и легкие танки, непривычной окраски и формы. Команда — все здоровые, загорелые молодые люди — была одета в черную форму с мертвыми головами на петлицах.

— Карательный отряд! — пронеслось по селу.

Танки все шли. Скоро к тяжелым звукам ударов и разрывов присоединились выстрелы и свист улетающих снарядов. День клонился к вечеру. Фадеевна с мужем, Тася и я стояли на улице у глиняной ограды, все глядя, где в сгущающихся сумерках справа налево и слева направо перелетали по пологой дуге светящиеся золотом шарики. Мой страх прошел, я слушала, что говорит Василий Иванович в качестве военного эксперта.

— Теперь им дают жизни! Вот погодите, к ночи стихнет, это последние выстрелы, а завтра как начнется, только держись! Да они, верно, ночью сами смоятся.

— К нам бы ночью не пожаловали, — сказала Даша.

— Не пожалуют, сегодня в хате спать можно.

— И не думай! Лучше вовсе уходи, хоть к куме.

— Вот жарят! — с восхищением сказал Василий Иванович, глядя на целый фейерверк, разыгрывавшийся перед нами.

— А потом повернут, да по нас и зажарят, — предсказала Даша: — сказано — мертвые головы, карательный отряд.

— Бог с тобой, Даша, за что нас карать? — улыбнулась я: — разве мы тут виноваты, что все это произошло?

Тася вдруг повернулась и пошла домой. Очень молчалива была она весь день, хотя и не видно было, чтобы она боялась.

Василий Иванович оказался прав, ночью партизаны ушли. Танкисты вступили в Борисовку, очищенную от красных, и пошли дальше, преследуя отступавшего врага.

Оборонявшиеся немцы не имели потерь убитыми, ранеными было человек десять. Обер-лейтенант с одним фельдфебелем были спасены совершенно незнакомой женщиной. Она спрятала их в своем погребе, прекрасно зная, что ожидало ее в случае провала. За 36 часов, которые красные провели в Борисовке, они успели многое сделать. Староста, сельский писарь и переводчик были повешены, несколько домов, где ранее стояли на квартирах немецкие солдаты сожжено. Хозяек их сидели запертые в сарае, ожидая смерти. С ними расправиться не успели, занявшись попавшими в плен немецкими солдатами.

У меня не хватает ни слов, ни сил описать, что сделали с ними. Три дня спустя я видела их трупы, привезенные в наше село. Одни были обварены кипятком, другие опалены огнем. У двоих была сорвана кожа с рук, как перчатка, с ногтями. У шофера-украинца, говорившего по-немецки и служившего переводчиком, губы были прошиты проволокой. Все трупы носили следы страшных истязаний. Т. Левшина

(Продолжение следует)

Экскурсия юных казаков

В школе юных казаков (при Н-ском запасном казачьем полку, в начале этого года 43 учащихся успешно закончили начальный курс немецкого языка. Этой группе было доставлено редкое и полезное развлечение — экскурсия по Германии, как награда за проявленные ими в учебном году усердие и успехи.

В первых числах февраля юноши, в сопровождении учителя О., зондерфюрера Л. и под общим руководством лейтенанта Ч., двинулись в путь. Можно себе представить как бились сердца молодежи, предвкушавшей массу новых впечатлений.

Экскурсия началась с посещения затерянного в Альпах живописного городка Гармиш-Партенкирхена, с его всемирно известным курортом и зимним олимпийским стадионом. Экскурсанты поднимались на самую вершину горы, где установлена метеорологическая станция.

Три дня дышали юноши чудесным чистым воздухом Альпийских гор и лесов, любясь дивным зимним пейзажем. Все виденное и слышанное ими навсегда запечатлелось в их юных любознательных умах.

Следующая остановка, доставившая всем еще больше удовольствия, была в г. Зальцбург — родине Моцарта. Ознакомление с биографией и творчеством великого композитора, известного во всем культурном мире, посещение домика Фюрера, осмотр города и находящихся в нем достопримечательностей и, наконец, посещение местного театра, привели в искреннее восхищение наших путешественников.

Один из них, А. Задорожный, в прекрасных стихах выразил чувства и переживания участников экскурсии, вызванных их коротким, но содержательным пребыванием в Зальцбурге:

Утро альпийское, свежее, зимнее,
Чувствуешь бодрость в здоровой груди!
Снежные горы так сказочно дивные,
Вряд ли прекрасней их можно найти!

Зальцбург громадный внизу расстилается,
С улиц доносится говор людской,
Речка гремучей змеей извивается,
Блещет на солнце живой чешуей.

Красная Церковь горит озаренная
Утренним солнцем, величьем полна,
В небо привольное, в небо бездонное
Острые башни вздымает она.

Чудны те башни в готическом стиле!
Юной душой я так их люблю!
Кажется, к свету они устремили
Многовековую святость свою!

Кажется, звуки торжественных пений
Стройно несутся в лазурную высь
К тем, кто решает судьбу поколений,
К тем, кто дает нам счастливую жизнь.

Город старинный... высокие здания,
Крепкие замки, фонтаны, мосты...
Город ты вечный, исток расцветания
Жизни, искусства, живой красоты!

Сколько здесь памятных, славных событий
С шумом прошло по бульварам твоим!
Моцарта образ, венками увитый,
Вечно в поющих сердцах сохраним.

Последним этапом путешествия по Велико-Германии была очаровавшая Всех Вена. Огромный и изящный древний город с старинными замками, ратушью, историческими местами и зданиями, памятниками, музеями и университетами — громадное поле для ознакомления казачьей молодежи с увиденной ею впервые Западной Европой и ее культурой.

Прогулки по Вене закончились посещениями театра, где прослушали несколько опер и концерт донского казачьего хора.

Экскурсия кончилась. Пора возвращаться в свою школу, в свой полк.

Возвращались «домой» казачата с сердцами, полными благодарностью за представленную им возможность повидать ту страну, с которой связали свою судьбу их отцы в общей борьбе против общего врага.

Последняя ночь

Когда опять раскаты грозные,
Встревожив ночь, раздались над селом,
Для славных дел на схватки боевые
Я променял отцовский мирный дом.

Защиты долг и вспыхнувшая сила
Меня влекли на вражескую рать, —
И мне перо винтовка заменила,
А песнь борьбы — тебя, родная мать.

Лишась всего, убитая тоскою
Ты сколько слез по сыне пролила

И слов святых с горячею мольбою
Из жарких уст в ту ночь произнесла!

В стоокой тьме твои скрывались слезы,
И ветер злой рыданья заглушал
И под окном кудрявые березы
Шальной рукой безжалостно трепал...

Луна сквозь туч метавшиеся клочья
Свой бледный лик склоняла над тобой...
А я по темной шали полуночья
Веселый шел с товарищами в бой.

Ал. Задорожный.

В станице Каргинской

Плачут курени повисшими к низу, большими и маленькими сосульками.

Звенят мутной весенней водой ручьи.

Просыпается Чир, вылезая из-под толстого зимнего одеяла.

Вот он как будто потягивается, выпрямляется, покрывая собою луга, и доволен, что ему выпадает такое счастье только раз в год.

Солнце ласкает и целует теплыми лучами обнаженную грудь земли.

У камыша Слободки ревет и пенится Чир — здесь ему тесно. Лед цепко держится за каждую травку, но весна впилась в старуху-зиму жгучими лучами, захлестнула, прижала к себе и она судорожно бьется в объятиях весны.

Приветливо помахивают вербы своими желто-зелеными веточками, проглядывают тысячными беленькими глазками терновник, дышет влагой земля в ожидании труженика казака, но он не идет, он далеко от родной станицы — стонет, как этот рыхлый лёд под напором весенней воды, так и он сгибается под тяжестью вековых стволов сосен да елей.

За что такая кара?...

И там, в глухой тайге, в минуты отдыха, он в мечтах своих — дома, в родной станице Каргинской, а действительность пиявкой присосалась к сердцу и говорит:

— Не для тебя Дон разольется,

Не для тебя соловей запоет...

И дева с черными глазами не для тебя...

И катится слеза за слезой...

Плачут, стонут казаки в далекой Сибири...

— Терпи, казак, атаманом будешь!

Чавкая чирками по грязи, придерживая руками юбку, Аношиха спешила к церкви, только не Богу молиться, нет.

В церковной сторожке устроен клуб, в него приказали явиться на чистку.

— Что за чистка? Почему, именно, она должна прийти, кого и как чистить? — Она не понимала.

По старой привычке, воровато перекрестилась на обезображенный храм. Вдохнула и штопором ввернулась в среду толпившихся на ступеньках женщин.

На сцене стол, покрытый красной скатертью.

На стенках плакаты, портреты «вождей» и лозунги.

На скамейках сидят попеременно пожилые с молодыми. Сдержанно переговариваются.

Аношиха прошла в самый конец зала. Уселась. Оттуда ей хорошо виден гигантский портрет Сталина с обвисшими усами и поднятой вверх рукой.

Вдруг на ступеньках входа расступились, образуя проход.

По залу прошипело: «Комиссия!»

Трое с пузатыми портфелями, подошли к столу, постояли около него, что-то поговорили; двое уселись за стол, а третий объявил:

— Заседание комиссии по чистке парторганизации при станице Каргинской считаю открытым. Присутствующих прошу задавать вопросы, как комиссии, а так же членам партии, проходящим чистку... Еще раз прошу без всякого стеснения раскрывать примазавшихся к партии Ленина—Сталина, помочь комиссии вскрыть вражеский элемент... Первый проходит чистку председатель колхоза «Ленинский путь» товарищ Гутман Моисей Исакович.

Он грузно уселся, принялся рыться в бумагах.

Гутман, поправляя очки на орлином носу, встал, гром-

ко откашлялся в беленькую ручку, окинул ящериными глазами собравшихся, и прищурив левый глаз, начал:

— Я — сын батрака, пастуха, родился в 1900 году в Бердичеве. В партию вступил в 1924 году. Отец мой по профессии продавец, рано умер и мне пришлось батрачить, дабы содержать больную мать с семейством. Вскоро умирает мать и мы расползлись кто куда... Я попал в Москву. Поступил на завод чернорабочим, трудно было добывать средства к существованию. Все перенес. Меня выдвигают на руководящую работу, а впоследствии я становлюсь директором данного предприятия, как выдвиженец, усиленно работаю над собой, повышаю свой политический уровень. В 1933 году партия меня выдвинула, мобилизует в счет 25000 рабочих и посылает на укрепление колхозной системы в деревнях. Я попадаю по разверстке в Каргинскую. Меня с большой охотой избирают на колхозном собрании колхозники председателем колхоза «Ленинский путь». Колхоз был без руля и без ветрил. Я засучив рукава, имея большой организаторский опыт на производстве, принялся за восстановление его.

Он остановился, распахнул кожаную куртку, почесав большую раковину уха, смахнув шелковым платочком с покатога лба капли пота, глотнул из стакана воды.

И полетели слова из его лягушиного рта:

— Саботажом охвачены были колхозники, скот перерезали, лошади дохли без корма, землю обрабатывать некому... Я принялся отыскивать корень зла...

В этой станице свило гнездо бывшее казачье зверье, которому мероприятия советской власти не по нутру. Сорок два семейства предал пролетарскому суду. Теперь еще много лжеколхозников пухлыми валяются под плетнями, а на работу не идут, говорят:

— Кору будем есть, с голоду сдохнем, а работать в колхоз не пойдем!

— И дохнет эта сволочь, а колхоз под моим руководством идет от победы к победе.

Аношихино ухо уловило:

— Бирюк проклятый! Чтоб ты окошел антихрист...

— Пастух! Загнал казаков туда, где Макар телят не пас...

Гутман разгорячился, теперь его не унять.

Грязным потоком слов он стремился облить тех людей, которые толпились на ступеньках и в отдаленных местах зала;

— Я, как большевик, говорю и заверяю комиссию, что трудодень в этом году потянет не 125 грамм, как в этом хозяйственном году, а гораздо больше. Я этого добыю... Выведу, искореню из колхоза всю примазавшуюся нечисть на здоровом колхозном теле. Быть или не быть мне в партии?

— Мой жизненный путь связан с великими достижениями партии и я — частица партии Ленина—Сталина. Вне партии, я не вижу жизни.

Визгливо, по петушиному заорал:

— Да здравствует колхозная система в деревне, освободившая от бычьего ярма крестьянина.

— Да здравствует родной и любимый Сталин.

В комиссии переглянулись, приветливо улыбнулись друг другу, а потом председательствующий спросил:

— Вопросы будут к комиссии и к товарищу Гутману?

Молчание.

— Какие тут могут быть вопросы... Батрак... Предан партии до мозга костей...

— Следующая проходит чистку, кандидат партии, гя-

довая колхозница Анощиha, Пелагея Ивановна. Есть такая?

Анощиxу словно кто кольнул, подпыргнула, рванулась с места и больше ни шагу.

Рядом сидящий комсомолец чертыхнулся и зажал нос.

— Я... Я тутa...

— Подойдите сюда. Чего оторопели?

Анощиxа как то боком стала продвигаться между рядами, чувствуя на своем теле какую то тяжелую ношу, которую ей суждено донести вот до этого стола.

— Расскажите свою биографию.

— Я не Аграфена, а Пелагея.

— Нет, нет. Вы перепутали. Биографию расскажите: в каком году родились, кто ваши родители, чем занимались до октябрьской революции и после, чем занимаетесь в данное время. Теперь понятно?

— Мудреного много наговорили... Чего же я скажу? Родилась я в Слободке, а на масленую пошел мне сорок осьюмой или девятый год... Жили мы все время в Слободке, стало быть, отец мой и я. Имели две коровы, быков, лошадь, а теперь ничего нету, стало быть, в колхоз забрали. А в колхозе конь мой сдох эту весну, а быки еще зимою сдохли. Отец и мать померли давно, когда еще Миколая сменили. Я, стало быть, осталась одна.

— Скажите, что вас побудило вступить в партию, — вмешался председатель.

— А что мне на старости, подыхать с голоду, что-ли, в колхозе. Думала дадут службу какую получше да полегче... В колхозе так обносились, что дед Аким уже одним местом сверкает. Пришел ко мне вчера и просит латку. И иде я ему возьму, когда сама такая? Разве успеешь что купить в магазине? Что привезут — сами расхватывают между собой.

В Бога я то верую и вот тебе Господь, — перекрестилась Анощиxа, — Боже унеси чтобы не веровать.

Она замолкла. В унисон ей вздыхали в глубине зала. Молодежь хихикала. Анощиxа потопталась на месте, что то прошептала про себя и покосилась на молчаливо сидящую комиссию. Немного сгорбившись, сквозь слезы она попросила:

— Припишите мне работу по силе возможности. Не в терпеж больше так жить...

Что то еще хотела сказать, но взор ее внезапно остановился на гигантском портрете Сталина с поднятой рукой. Она содрогнулась и дрожащим голосом произнесла.

— Спасибо тебе, великий Сталин, за счастливую колхозную жизнь! Она низко поклонилась портрету. Члены комиссии вдруг оживились и начали между собой о чем то говорить.

Анощиxа, не дождавшись ответа, вышла.

Петр Турилин.

Будущая встреча

Стояли тяжелые дни январского отхода германских войск с территории области Войска Донского.

Снежные заносы, ветер, крещенские морозы и донская равнина помогали красным бандам двигаться на запад. Ни один донской хутор, ни одна станица не была сдана без боя. Между рядами немецких солдат были видны люди одетые в полувоенное платье. Они с отчаянием стреляли в противника, суетились, поднося патроны, а некоторые здесь же падали замертво от вражеских пуль.

Германская армия отходила...

Бесконечная вереница повозок, саней, скота устремились на запад. Вслед за повозками шли старики, женщины, дети. Они шли от большевизма, шли от голода, от притеснения жидов, покидая веками насиженные, теплые, родные курени.

Кое где по неровным дорогам были видны небольшие конные отряды. Лица людей унылые, сосредоточенные, но все же какая то уверенность, иногда делала улыбку.

На правом берегу Донца, у хутора Синегорского, отбивали вражеские атаки добровольческие сотни, организованные сотником Рыковским и Подъесаулом Химинным. Они защищали родные хутора где родились, возростали и не так давно гнули спины под жидовско-большевистским ярмом. Они теперь свободны и не хотят больше пустить этих извергов в родной хутор. Казачьи молодые руки крепко держали холодные тела пулеметов и несмыкая глаз беспощадно уничтожали своих проработителей.

Синегорцы с честью выполняли задания германского командования и бились до последнего патрона. Их полковое знамя гордо реяло под вражескими пулями у Донца,

вплоть до приказа германского командования об отходе на другие позиции.

Вблизи станиц Раздёрской и Мелиховской, где разгорались ожесточенные бои, на помощь немецкой армии подходили добровольческие казачьи части, наспех организованные полковником Павловым.

Истекая кровью, на ряду с немецкими солдатами билась за свою волю, за вольный донской край, казаки. Они мстили за уничтожение вольницы, за поругание казачьей чести, за разоренные курени. Час мести настал. Казаки взяли оружие и теперь с боем за каждый родной кусочек земли, отходили.

В пустых хуторах и станицах оставались лишь девушки, женщины и неспособные для службы старики.

К плетню подехал молодой казак. Он что то нервно крикнул по направлению дома, сдерживая быстрогого дончака, а снаряды выли, разрываясь в станице. К казаку выбежала без пальто девушка. Они наспех поцеловались, говоря последние прощальные слова, как-то несвязно, торопливо. Конь вдруг стал на дыбы, казак вытащил платок, на ходу, махая своей любезной. У плетня со слезами на глазах осталась молодая казачка, провожая тоскливым взглядом своего возлюбленного.

Они простились друг с другом, желая успеха и победы над врагом...

Фронт остановился у возвышенностей Миуса. Разрозненные казачьи отряды, теперь сформировались в грозные полки и вооружившись первоклассной германской техникой, отбивали наступающих жидо-большевиков.

С возвышенностей Миуса видна широкая донская степь, несколько хуторов, где сейчас властвуют большевики и надеваются над семьями «изменников родины».

Обливаясь слезами, там ждут, ждут своих.

Когда помотришь через линию фронта где остались свои близкие, знакомые, то как-то невольно щемит сердце, хочется скорей в родные места, хочется посмотреть на знакомые ласковые лица, невольно сожмешь тело авто-

мата и с жадностью ищешь голову жидо-большевика, чтобы скорей уничтожить ее и стереть с лица земли.

Приказ на отдых в тыл.

С неохотой идут казаки с Мнуса. Ведь с глубоких степей Украины не видно родных мест, не видно казачьих хуторов. Появляются воспоминания о родных краях и невольно рука тянется к фотографиям. Вот она, голубоглазая, улыбающаяся казачка... Сердце тоскливо ноет, хочется на Дон. «Она ждет, — думает казак: — там дети!» «Ничего, скоро вернусь», и он представляет радостную встречу не без лишних слез. Вот, они, мои шустрые казачата, жена, знакомые. Они ждут, радостно улыбаясь мне, расспрашивая о своих.

Как хорошо встретиться и с победой и славой очистить свою Родину — родную ковыльную сторонку. Невольно приходят на мысль слова народной песни:

«Мы простимся с тобой у порога,

И быть может, навсегда...»

Ну, нет! Только не навсегда, я скоро приду, приду с волей, с победой и славой! Ждите вы, там, родные, скоро приду, скоро встреча свободы и счастья! Иди, казак! Тебя ждет семья с победой, тебя ждет ДОН! Молодая казачка ждет не дождется тебя, она тоскует о тебе.

Скорей, скорей на фронт! Уничтожай свору дармоедов, уничтожай насильников! Вперед, за честь и славу ДОНА!

Химин Петр

Р о з ы с к и

Княшко Илья Григорьевич, Фельдпост № 04508, разыскивает Княшко Федора Васильевича, ст. Петровской, Кубань.

Семенов Александр Ив., Ф. П. № 48871, — Павла и Петра Беспаловых, станицы Алексеевской, Кубань, и Петра Иванов. Семенова, ст. Н.-Архангельской, Кубань.

Мотненко Иван Захарович, Ф. П. № 04508 — Павла Никиф. Мотненко, Алексея Владим. Грицана и Григ. Павл. Мотненко, ст. Горячеводской, Терек.

Гринев Николай Ив., Ф. П. № 1124-А, из села Ново-Александровка, Краснодонского района, просит откликнуться земляков.

Обухов Николай Иванович, Ф. П. № 58736-С, — своего отца и дядю И. И. Антоненко, с х. Веселого.

Прозоров Петр Матвеевич, Ф. П. № 58736-С, — своего отца, эвакуированного 5.1.43 из ст. Боговлянской, Дон.

Хорошилов Алексей, Ф. П. № 57917-А — терцев Беглазовых.

Клепков Александр Дмитриевич, ст. Иловлинской, Дон, Ф. П. № 48228, просит откликнуться станичников.

Безякин Илья, Ф. П. № 25165-ДЗ, с хут. Ажинова, Богаевского района, — братьев Ивана и Александра, дядю Федора Безякина и дядю Софрона Васова, зятя Ивана Рябова.

Гурбанов Анатолий, Ф. П. № 25165-ДЗ — двоюрод. братьев Ивана Богодина, Александра и Тимофея, а также и земляков с хут. В.-Калинова, Константиновского района.

Козлов Анатолий, Ф. П. № 58736-С, — отца и дядей Ивана и Владимира Стефановичей Козловых.

Владимир Михайлович Нефедов просит отозваться д-ра Дьяконова Михаила Степановича, Ф. П. № 02306.

Кубанские казаки: Карпенко Влад. Мих., ст. Воронежской, Соколов Иван Ефремович, ст. Старо-Щербиновской, Тимошенко Федор Савельевич, ст. Славянской, Луговский Захар Васильевич, ст. Кисляковской — Ф. П. № 56361-Е. — разыскивают своих братьев и родственников.

Черкесов Петр Федор., ст. Урюпинской, Дон, Ф. П. № 56361-Е. — брата Дмитрия и Михаила Федор. Резвякова.

Гнилорыбов Филипп Семен., Ф. П. № 25165 Д., ст. Усть-Бело-Калитвенской — братьев и станичников.

Иванихин Андрей Абрамович, ст. Ермаковской, Ф. П. № 25165 Д. — родных и станичников.

Понамарев Лев Васильевич, Ф. П. № 58324, — просит отозваться Понамарева Аркадия Васильевича, служ. в г. Новороссийске.

Вашенко Илья, Ф. П. № 57361-с, — Верещаку Гавриила Антоновича, урож. ст. Ново-Мышастовской.

Тыджиев Илас Дзамболот, Ф. П. № 57055-с, — Улубиева Умар Ивановна, Богова Керимбека Бабриновича, эвакуированных из Сев. Осетии.

Марченко Иван Куприянович, Ф. П. № 58055-Д, — просит отозваться: Голова Аркадия Васильевича, Голова Ивана Аркадьевича, Голова Василя Семеновича, уроженцев ст. Елизаветинской, Донской Обл.

Белоусов Иван Федорович, Ф. П. № 59016-Д, — разыскивает отца — Белоусова Федора, рожд. 1906 г. урож. хут. Ясиновский, ст. Калитвенская Донской Области.

Топчий Петр Тимофеевич, Ф. П. № 57875, — разыскивает Топчего Ивана Тимофеевича, урож. ст. Сергеевской, Куб. Области.

Колпаков Афанасий Иосифович, Ф. П. № 58055-Д, — разыскивает Колпакова Ермила Иосифовича, рожд. 1890 г. гут. Задонский, ст. Камышевская.

Шелякин Денис Семенович, Ф. П. № 00609, — разыскивает Шелякина Петра Денисовича, рожд. 1912 г. ст. Верхне-Курморская, Шелякина Ивана Денисовича, рожд. 1907 г. там же и Шелякина Павла Денисовича, рожд. 1914 г. там же.

Николай Илларионович Рубайло, Ф. П. № 20716, — раз. отца — Рубайло Иллариона, рожд. 1893 г.

Балахнин Эдуард, Ф. П. № 26843 АС, — просит отозваться отца — Балахнина Вениамина Павловича, есаула Каз. Войск.

Куштов Кахар Муталибович, Ф. П. — 57055 с, — просит отозваться Куштова Аминь Дзамбатовича, аул Докшуковский.

Качан Петр Михайлович, Ф. П. № 56189, — просит отозваться Качан Ивана Петр.

Тыджиев Илас Дзамбалатович, Ф. П. № 57055-С, — раз. Габулаева Угудука Муссаевича, Кайтукова Амурхана Урусиевича, Хасиева Хадахуя, Хасиева Хандже Гутуевич, Таболова Майрама Дафаевича — эвакуированные из гор. Алагир, Северной Осетии.

Стрельцов Дмитрий Степанович, Ф. П. № 56400-Отд. Роз. — раз. Стрельцова Алексея Степановича.

Шинко Георгий Григорьевич, Ф. П. № 56400-Отд. Роз., — раз. Шинко Григория Николаевича.

Чембинский Савелий, Ф. П. № 58979-Д, — разыскивает Грядца Николая Сергеевича, урож. ст. Кореновской.

Илюшин Вячеслав Иванович, Ф. П. № 58979-Д, — разыскивает Радионова Владимира, урож. ст. Кавказской.

Суслин Василий Семенович, Ф. П. № 58979-Д, — разыскивает Рябова Антона, урож. ст. Н.-Чирской, хут. В.-Рубежный.

Рубан Петр, Ф. П. № 57701-В, — разыскивает Рубана Григория и Рубана Георгия, урож. ст. Остагаевской, хут. «Восток».

Фененко Алексей, Ф. П. № 57361-С, разыскивает Фененко Дмитрия Моисеевича, рожд. 1893 г. урож. ст. Куцевской.

Пигалицкий Константин, Ф. П. № 56361-Д, — разыскивает: Соколенко Ивана Дезнисовича, Дергун Степана Георгиевича, Авраменко Сергея Степановича, ст. Раевской.

Радченко Иван Кондратьевич, Ф. П. № 39009/Ру, — разыскивает, Радченко Кондрата Васильевича, стр. Старо-Титаревская.

Тыртышный Петр, Ф. П. № 57361-В — разыскивает Тыртышного Ивана Алексеева, урож. ст. Псебанской, Кубанской Области.